

НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ

К сожалению, первые две тетради полевых записей со сведениями о том, как В.Г. Кузнецова добиралась на Чукотку, и о первых днях и месяцах ее пребывания в экспедиции утрачены. Отсутствующие записи в определенной мере восполняют сделанные в августе — сентябре 1948 г. фотографии.

На Чукотку В.Г. Кузнецова отправилась обычным для того времени маршрутом: сначала поездом до Владивостока, а оттуда пассажирско-грузовым пароходом «Анадырь» до одного из поселков побережья Чукотки. Остается неясным, в какой именно поселок она прибыла. Возможно, это был поселок Лаврентия — районный центр Чукотского района в Губе Святого Лаврентия (Чукотская культбаза). Здесь находились райисполком и райком ВКП(б). Более вероятно — береговой поселок Ванкарем, который, как писала сама В.Г. Кузнецова, и «должен был стать начальной точкой экспедиционной работы» [Кузнецова 1954: 1]. Пароходы приходили в Ванкарем обычно в начале августа.

Время прибытия в Ванкарем и место начала экспедиционных работ было выбрано очень рационально и со знанием

особенностей хозяйственного цикла группы, которую В.Г. Кузнецова собиралась исследовать. Основные хозяйственные территории амгуэмских чукчей располагались на левобережье Амгуэмы — по ее притокам Экитыки (впадает в одноименное озеро), Энмывааму (Эньмувеему), Энгергыну (правый приток Экитыки). К лету же они переходили на правый берег Амгуэмы, продвигаясь к морскому побережью. Учитывая трудности сообщения по безлесной тундре зимой с частыми непогодами и в летнее бездорожье, единственным удобным для контакта местом оказывалось именно побережье Чукотского моря в местности Ыпъэн, западнее поселка Ванкарем, где обыкновенно проводили лето многие стойбища амгуэмских чукчей.

В этой же местности на реке Рыкууль (левый приток Ванкарема) проводилась в начале осени ежегодная ярмарка. Здесь приморские и оленные чукчи обменивались продуктами своего хозяйства (жир, мясо и шкуры морских животных, оленье мясо и шкуры). Ярмарка предоставляла чукчам возможность и сдать излишки своей продукции представителям торгово-заготовительной базы, и закупить в выездной лавке привозные товары (табак, муку, консервы), бытовые и ружейные припасы и изделия (рис. 4, 5, 6, 7, 8, 9).

Ванкаремская ярмарка в 1948 г. работала с 1 по 7 сентября и собрала большое количество береговых и оленных чукчей [Кузнецова 1948–1951: 336¹]. Из описи коллекции негативов, сделанных в экспедиции В.Г. Кузнецовой, следует, что на Ванкаремской ярмарке присутствовали представители Чукотского райкома партии. Как писала В.Г. Кузнецова, «бригада Чукотского райкома партии», работавшая в это время в стойбищах амгуэмской тундры. В состав бригады входили: Анкаути (председатель Амгуэмского сельского совета), Айнэвтэгын (Эйневтэгын)² (учитель кочевой школы Амгуэмского сельсовета) и некий Инки. Возглавлял бригаду инструктор Чукотского райкома партии И.Ф. Гущин (рис. 10, 11, 12).

1 Здесь и далее дается ссылка на номер дневника по архивной описи.

2 Михаил Васильевич Айневтегин — один из первых выпускников Анадырского педагогического училища (1953 г.). В дальнейшем известный на Чукотке педагог, Заслуженный учитель школ РСФСР.

Рис. 4. Приморские и кочевые чукчи на открытии Ванкаремской ярмарки. МАЭ РАН. И 1454-344¹

Рис. 5. Временное жилище приморских чукчей, прибывших в тундру на обменную ярмарку с кочевыми чукчами. Река Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-341

¹ Подписи к фотографиям воспроизводят текст описи коллекции № И 1454, зарегистрированной В.Г.Кузнецовой.

Рис. 6. Продажа товаров кочевым чукчам на осенней ярмарке. Река Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-352

Рис. 7. Береговая чукчанка Наленаут из поселка Нешкан за разделкой оленьих туш, заколотых оленеводами в обмен на продукты приморского хозяйства. Обменная ярмарка на реке Рыкууль, 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-357

Рис. 8. Оформление актов покупки оленей живым весом у амгуэмских чукчей Ванкаремской торгово-заготовительной базой. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-353

Рис. 9. У выездного ларька с товарами сидит олений чукча Тымнэнэнтын (курит трубку). Река Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-362

Рис. 10. Выступление руководителя бригады Чукотского райкома партии товарища Гущина в день открытия ярмарки. Река Рыкуль, 1 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-343

Рис. 11. Бригада Чукотского райкома партии: Анкаугэ, Айнэвтэгын, Инки; заведующий Ванкаремской торгово-заготовительной базой А.П.Мельников. МАЭ РАН. И 1454-335

Рис. 12. Руководитель бригады Чукотского райкома партии, работавшей в стойбищах амгуэмской тундры весной и летом 1948 года, И.Ф.Гущин.

МАЭ РАН. И 1454-337/2

Скорее всего, прибыв на Чукотку, В.Г. Кузнецова сразу же обратилась, как это было принято, к помощи райкома партии. И.Ф. Гущин на первое время взял ее под свою опеку, и В.Г. Кузнецова вместе с членами его бригады летом 1948 г. выезжала в тундру, принимала участие в обследовании населения бассейна Амгуэмы. В дневниках есть упоминание о встрече с некоей чукчанкой, которую В.Г. Кузнецова узнала, поскольку видела ее раньше — она «была в стойбище Омрыквота, когда я впервые прибыла в тундру с Гущиным» [Кузнецова 1948–1951: 334]. В архиве сохранилась тетрадь со «Списком населения Амгуэмской тундры. Сведения 1948 г. — лета (работа бригады Гущина)» [Кузнецова 1948–1951: 337]. Таким образом В.Г. Кузнецовой удалось, в соответствии с нормами полевой работы, осуществить первый ее этап — составить список населения исследуемого района.

Надо полагать, И.Ф. Гущин порекомендовал В.Г. Кузнецовой и стойбище, в котором целесообразно будет вести работу.

Рис. 13. Вручение премии на осенней обменной ярмарке первому председателю колхоза «Тундровик» Тымнэнэнтynu (премия: чайник, чашка с блюдцем, серьги). Река Рыкуль, 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-342

Не удивительно, что выбор его пал на человека, в районе известного — первого председателя колхоза «Тундровик» Амгуэмского сельсовета Чукотского района Тымнэнэнтyna (рис. 13).

ТЫМНЭНЭНТЫН

Тымнэнэнтyn (Тымненентын, Тымненентин)¹ — главный чукотский персонаж нашей истории, хозяин стойбища, в котором В.Г. Кузнецова провела большую часть своей экспедиции. Сам Тымнэнэнтyn, члены его семьи, родственники, соседи по стойбищу будут часто упоминаться в тексте. Поэтому прежде чем преступить к рассказу о пребывании В.Г. Кузнецовой на Чукотке, имеет смысл сказать несколько слов о Тымнэнэнтыне и ближайшем родственном пространстве его семьи (рис. 14).

Тымнэнэнтyn был председателем первого в Чукотском районе² колхоза «Тундровик». Он счастливо сочетал свой про-

1 В дневниковых записях Кузнецова фиксирует имена, термины «на слух». В сносках дается словарное написание.

2 Современный Иультинский район. Иультинский район выделился из Чукотского района, где были Амгуэмский, Ванкаремский сельские советы. Центр изначально — Чукотская культбаза, Губа Святого Лаврентия. В 1953 г. образован Иультинский район с центром в поселке Эгвекинот.

Рис. 14. Первый председатель колхоза «Тундровик» Амгуэмского сельсовета Тымнэнэнтын с женой Гувукай. 20 сентября 1948 г.
МАЭ РАН. И 1454-267/1-2 (монтаж)

двинутый социальный статус с традиционными ценностями, это же следует сказать и о других членах его семьи:

Сам старик Тымнэнэнтын является большим приверженцем старины, соблюдения правил и обрядов старины, и в яранге строго поддерживается всякая обрядность, а отступление от нее считаются нетерпимым пренебрежительным отношением к чукотским обычаям и пресекаются. [Кузнецова 1948–1951: 405, Л. 118–119].

15 сентября 1950 г. <...> Эттыкутгэут заворчала на Омр[увакат]гавыт, девушка не столько рубит кости,

сколько занимается едой, сидя у такамангългына¹ — оглаживает кости (еп эрымнукинэт), кушает выбитый из костей мозг. Хозяйка ей сказала — возьми и покушай, а не устраивай из такамангългына кэмэны², это грешно. Женщины этой яранги очень следят за правилами старины [Кузнецова, 1948–1951: 357].

В упоминавшемся «Списке населения Амгуэмской тундры» указан год рождения Тымнэнэнтына — 1882. Значит, в 1948 г. ему было 66 лет. Он был женат на Увакай (Вувакай, Гувакай). Если ориентироваться на данные того же «Списка», она была намного старше своего мужа, ей было 88 лет (1860 г.р.). Надо полагать, в список вкралась ошибка. На фотографиях Увакай выглядит скорее молодой женщиной, чем древней старухой. Об этом же свидетельствует и следующая запись в дневнике:

26/VI [1949 г.]. Дождя не было, день хороший. Вечером троим пили чай — Тымненентын, Уакай и я. Тымн[енентын] спросил меня, сколько ему лет. Я ответила 40. Тымн[енентын] сказал, что ему много лет. Заинтересовалась и Уакай своим возрастом. Муж ее сказал, что она намного моложе его. Уакай взяла камешки с пола чоттагена (пили чай у ёроны³, у изголовья, Тымн[енентын] был в поллоге, лишь голова снаружи), и стала вспоминать свои прошлые кочевки (где летовали). Она насчитала очень мало лет — 29 лет (какая память!), а 30-й был нынешний год. Тымн[енентын] стал считать, сколько лет Онныгыргыну. Несколько раз бросал, говорил — чамам⁴, вновь начинал и наконец сосчитал — 15 лет. Уакай сосчитала годы Омр[увакотгау]т — 16, Ятгырг[ын] — 20, Омрытваль — 28 лет. Омрыятгыргыну — 8, Тайквуну — 9 [Кузнецова 1948–951: 339].

1 Так'амангългын — кожаный цилиндрический сосуд с низкими бортами, в котором на камне молотком разбивают мясо и кости, чтобы куски не разлетались.

2 К'эмэн'ы — деревянное блюдо для еды.

3 Ёрон'ы — меховой полог, спальное помещение в яранге.

4 Не смогу.

Очевидно, что глубокой старухой Увакай не была, и все же вряд ли ей было в 1949 г. 30 лет, как она насчитала. Увакай вышла замуж за Тымнэнэнтына после смерти своего предыдущего мужа Гырголя, который был товарищем Тымнэнэнтына по жене¹. Ее дети от Гырголя перешли в семью Тымнэнэнтына — шестнадцатилетняя дочь Омрувакотгаут и сын Омрыятгыргын восьми лет.

Увакай умерла 10 сентября 1949 г. Обряды, связанные со смертью Увакай, в дневнике не описываются. Имеется только краткая запись о том, что 1 сентября у Увакай случился приступ, она сошла с ума, а 10 сентября умерла. Со смертью Увакай связана одна интригующая деталь, всплывающая в дневниковых записях за 10 августа 1950 г.:

Вчера под вечер хозяйка затеяла разговор о том, что-бы я не сидела со свечой в чоттагынэ, когда все они ложатся спать. Мотивом выставила то, что к огню соберутся каляйнын (злые духи). Разговор же начал Тымнэнэнтын, спросивший меня, сообщала ли я русским о колдовстве Вэтгынлын и Эттытэгына, наславших смерть на Увакай (жену Тымнэнэнтына) и вселивших каляйнын в стадо Тымнэнэнтына (все лето стадо было очень беспокойно). Таких «колдунов» чукчи называют «уйвэл». Про Вэтгынлын и Эттытэгын старик сказал, что они действуют совместно, приготовляя еду, в которую подмешивают мясо покойника (умершего старшего брата Эттытэгына), нытэкйччинкэт (нытэкичгинкаат) — делают колдовское мясо [Кузнецова 1948–1951: 349].

Овдовевший Тымнэнэнтын 20 ноября 1949 г. женился на Эттыкутгэут (Эттыкутгэвыт, Эттыкутгэвут, Эттыкутогеут),

¹ «Товарищество по жене» (н'эв-тумгын, нэвтумгыт) — институт социального (искусственного) родства. «Товарищество по жене» состояло в том, что мужчины заключали между собой договор дружбы, согласно которому каждый из них имел право на жену своего друга, т.е. по сути это был брачный союз между несколькими брачными парами. В этот союз входили люди, ведущие раздельно хозяйство и живущие на разных стойбищах, в него могло входить до десяти и более супружеских пар. Супружеские права осуществлялись сравнительно редко во время поездок на стойбище «товарища по жене». «Товарищ по жене» мог по взаимному согласию взять себе на некоторое время жену своего товарища и затем возвратить ее.

Рис. 15. Эттыкутгэвыт – хозяйка яранги Тымнэнэнтына, одетая в меховой комбинезон (кэркэр), спущенный до пояса, варит ужин, одновременно опаливает на углях очага оленьи копыта. МАЭ РАН. И 1454-18/2

тетке своего сводного брата Номгыргына. Это был третий брак Тымнэнэнтына. Описание свадебного обряда — уникальный материал, который больше никем и никогда не фиксировался (рис. 15).

20 ноября [1949 г.] <...> Вчера Чейвуна поставила свою ярангу не вблизи нашей (Тымненентина), а метрах в 400-х, в отдалении. Рядом поставил ярангу Тымнелъхкот. Вчера же Чейвуна уехала в стойбище Майныкооквургына — Тнарэнттыгыргына. <...> Сегодня днем приехала Чейвуна и много гостей с нею: старик Таегыргын, Кааквургын, Тна-тынагыргын, Тымнелъхкоткай и гостя — сестра Тымнелъхкоткай — Эттыкутгеут, ставшая женой Тымненентына.

Сегодня день женитьбы Тымненентына. Свадьба. Мужчины все вошли в чоттаген, раньше их Чейвуна, сказавшая

Омр[увакотгаут] достать камень, которым обычно в праздники «разрисовывают» лицо. «Келиткупе» не оказалось в обычном месте — в женском мешке, долго искали, наконец, нашли. Жених и невеста вошли в ярангу не через обычный вход — тытыл, а к тытылю слева (стоя спиной к очагу, лицом к входу) была подставлена нарта грузовая, по которой полез как по лестнице сначала Тымненентын, потом его невеста. В чоттагене вблизи подставленной нарты стоял Тымнельхкот, снявший сначала Тым[нэнэнт]на, потом его жену сверху. Руководил свадебной обрядностью старик Таегыргын, подсказывавший Тымнельхкоту, что нужно делать. Затем Омр[увакотгаут] и Чейвуна помазали лица новобрачным — провели черную полоску над переносьем у невесты, у жениха такая же полоска и пятно на лбу слева.

Праздничное свадебное яство состояло из мороженого мяса и морож[еной] крови, разбитых молотком и поданных на большом праздничном кемены, и мыткамыт¹, после чего был подан чай. Забили оленя чымны², крупного оленя, одного у нас, другого у Чейвуны. Забили и первично свежевали за ярангой, в поячен³. На ужин мясо варили в большом котле. <...> 21 ноября [1949 г.] <...> Со вчерашнего, даже с позавчерашнего дня бесконечные гости из всех ближайших и отдаленных стойбищ, для которых кипятится чай и подается морож[еное] мясо и мыткамыт. [Кузнецова 1948–1951: 341].

Омрувакотгаут, падчерица Тымнэнэнтына, продолжала жить в его семье на положении работницы, оказывая серьезное влияние на качество жизни В.Г. Кузнецовой. Только в самом конце экспедиции, в середине марта 1951 г., Омрувакотгаут избавила В.Г. Кузнецову от своего общества, сбежав от Тэмнэнэнтына к Гэмын. Накануне Тэмнэнэнтын за какие-то грехи побил и Омрувакотгаут, и всех своих пастухов. Ее несколько раз пытались вернуть, но безуспешно (рис. 16).

- 1 Мытк'ымыт — жир.
- 2 Чымн'ы — старый (семилетний) олень-самец.
- 3 Пьяячен — место жертвоприношений за ярангой.

Рис. 16. Омрвакотгаут из яранги Тымнэнэнтына. На девушке старый двойной меховой комбинезон (кэркэр). Весенняя теплая погода позволяет заменить новый зимний кэркэр на сильно поношенный, с вытертым ворсом. Озеро Экитыки, 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-21

22 марта 1951 г. <...> Приехали Тымн[энэнты]н с женой. Омрвакотгавыт не привезли. Она плакала, не желая возвращаться к Тымнэнэнтыну. — Когда умру, тогда бы и покидала мою ярангу, — сказал ей Тымн[энэнты]н. Но и этот довод не помог. Омрвакотгавыт, видимо, стала уже, или будет, женой Тын'ако, племянника Гэмын. Тын'ако и Омр[ывако]гав[ыт] — двоюродные брат и сестра. Тын'ако завернул в камлейку, в которую была одета беглянка, шкуру песца и предложил ее Тымн[энэнты]ну вроде выкупа за невозвращение Омрвакотгавыт. Но Тымн[энэнты]н не взял песца, отказался. Гордость победила все прочие чувства у старика. Камлейку же (старую, защитного цвета камлейку, к[ото]рую носила Увакой, жена Тымн[энэнты]на, мать Омр[ывако]гав[ыт]), старик надел и в ней приехал домой [Кузнецова 1948–1951: 383].

У Тымнэнэнтына было два брата: Тымнэлкот (Тымнэлхкот, Тымнелкот, Тымнелькот) и Номгыргын. Семьи братьев то коче-

вали вместе, живя одним стойбищем, то разделяли стада и кочевали отдельно, но всегда находились неподалеку друг от друга (рис. 17, 18).

Рис. 17. Оленеводы братья Тымнэнэнтын и Тымнэлькот укладывают покупки. Ванкарэмская ярмарка, река Рыкууль. МАЭ РАН. И 1454-348

Рис. 18. На фоне высокой сопки, вершина которой уже покрыта снегом, расположены две яранги стойбища Тымненэнтына, проводящего праздник второго осеннего убоя оленей (нэнрируьги). К стоящим напротив яранг людям спешат мужчины из стойбища Номгыргына для участия в стрельбе из лука. Август 1950 г., озеро Экитыки. МАЭ РАН. И 1454-554

Тымнэнэнтын и Тымнэлкот были родными братьями (отец Кумылкут, мать Етгэут). Номгыргын был братом по отцу, имя матери Номгыргына в дневниках не приводится.

18 октября 50 г. <...> Яранги Номгыргына и Тымнэнэнтына берут воду из одной проруби. Но у них разные очаги, поэтому разделили места, куда ставят чайники у проруби. Номгыргинские ставят по одной стороне проруби, а Тымнэнэнские — по другой стороне проруби [Кузнецова 1948–1951: 363].

Тымнэлкоту в 1948 г. было 38 лет. В упоминавшемся «списке Гущина» в графе с его именем стоит 1910 г.р. У него было две жены: старшая 38-летняя Чейвуна (Чейвунэ, Чейвун'э) и младшая Тынена (Тын'эны). Ранее Тымнэлкот был женат на сестре Кенири. В этом браке он был «товарищем по жене» с мужем Чейвуны. Когда умерли муж Чейвуны и жена Тымнэлкота, они поженились.

Номгыргыну было 36 лет (1912 г.р.). В 1950 г. у него было три жены: Оотына (1914 г.р.), Элмурултына и Пэнас. Летом 1950 г. третья, молодая жена Номгыргына — Пэнас, ушла вместе с Алёлем¹, своим дядей, гостившим в стойбищах на Экитыки. Номгыргын пошел за Алёлем и Пэнас, догнал их уже в тундре и вернул Пэнас домой. В наказание за плохое поведение поучил ее — четыре раза ударил шнурком по спине (рис. 19, 20).

Основной единицей традиционной социальной организации оленных чукчей, было стойбище — временное или длительное объединение нескольких семей, как правило, связанных узами родства или свойства. Именно такой характер и носило стойбище, хозяином (главой) которого был Тымнэнэнтын. Стойбище Тымнэнэнтына обычно состояло из трех яранг: его собственной яранги и двух яранг жен его брата Тымнэлкота. В 1948–1949 гг. хозяином стойбища считался Тымнэнэнтын, первой в стойбище стояла его яранга. Ситуация изменилась в ноябре 1950 г., «переднедомной» стала яранга Чейвуны, стар-

1 Алёль — владелец одного из самых больших стад в Амгуэмской тундре, известный при советской власти как злостный «кулак».

Рис. 19. Оленевод Амгуэмской тундры Номгыргын. В руке он держит снятый с куклянки ремень, трубку, меховую шапку, ровдужную шапочку — вэчоквын.
МАЭ РАН. И 1454-280

Рис. 20. Чаепитие вблизи загородки со стадом оленей участников праздника отбоя важенок. Хозяин стада (крайний справа) Номгыргын, одет в нарядную белопеструю меховую рубаху, опушенную по низу мехом росوماхи, в белые камусные брюки с черной полоской у щиколотки, голова его повязана белой лентой из тонко выделанной нерпичьей кожи с двумя пришитыми к ней кисточками.
МАЭ РАН. И 1454-592

Рис. 21. Осенний вид стойбища, расположенного вблизи реки Рыкууль. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-239

шей жены Тымнэлкота. В.Г. Кузнецова отметила этот факт, но никак не комментировала (рис. 21).

Номгыргын чаще кочевал неподалеку, но отдельно. Стойбище Номгыргына состояла из трех яранг его трех жен. В 1949 г. в это стойбище входили также яранги Тымн'этынагыргына с женой Омрытвал и Кэргугэ с женой Пененеут. В этом же стойбище обычно жила пожилая женщина Раглин'аут с сыном Омрытагыным. Если Тымнэнэтын и Номгыргын образовывали одно стойбище, то «переднедомным» считался Номгыргын. Во всяком случае, так было в 1950 г. (рис. 22, 23).

Пастухами в стаде Тымнэнэтына были трое братьев, племянников Тымнэнэтына по линии матери: Ятгыргын (20 лет), Онпыгыргын (15 лет), Таёквун (9 лет). Онпыгыргын и Таёквун имели в стаде собственных оленей. Омрувакатгавыт имела брачные планы на Ятгыргына, но он предпочел ей младшую жену Тымнэлкота Тынены и в отсутствие Тымнэлкота и Чейвуну регулярно переселялся в ее ярангу (рис. 24, 25, 26).

Рис. 22. На холме – четыре яранги стойбища Номгыргына, вблизи которых находится стадо оленей. Озеро Экитыки, 1950 г. МАЭ РАН. И 1454-20

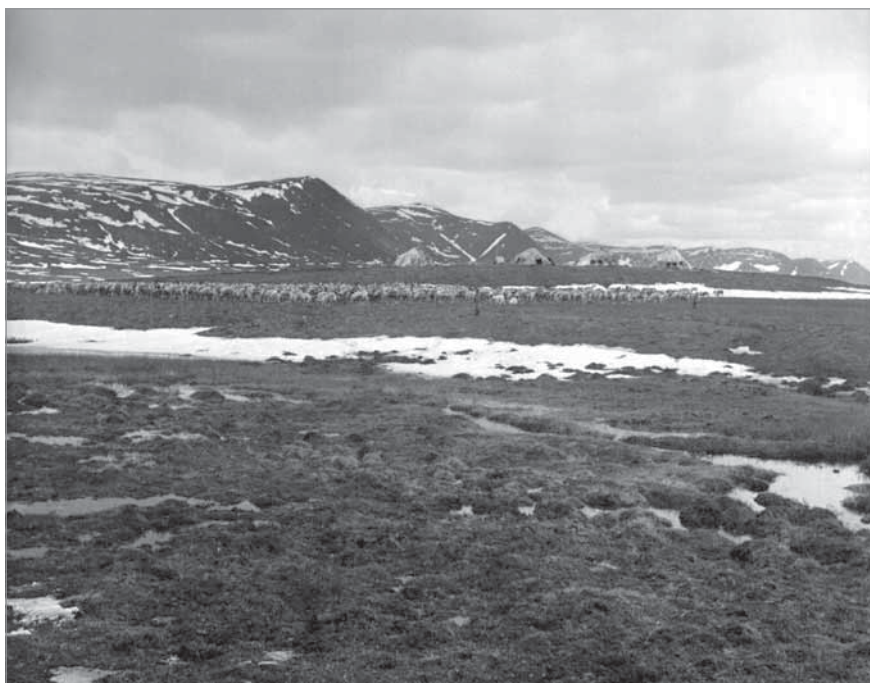

Рис. 23. В 1950 г. стадо двух стойбищ Тымнэнэнтына и Номгыргына, летовавших у озера Экитыки, выпасалось совместно. Вблизи яранг Номгыргына проходит стадо оленей. МАЭ РАН. И 1454-19

Рис. 24. Молодой пастух колхоза «Тундровик» Амгуэмского сельсовета Ятгыргын, закуривающий трубку. На голове у него одета ровдужная шапочка (вэчоквын), закрывающая только уши и оставляющая открытой макушку головы. МАЭ РАН. И 1454-284

Рис. 25. Пастух-подросток Оньпыгыргын из стойбища Тымнэнэнтына. 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-373

Рис. 26. Чукотские мальчики-пастушата, дневные охранители стад (каальатыльыт) Таёквун и Омрыятгыргын; в центре девочка Кымынэ, одетая в детскую цельно сшитую одежду с пришивным капюшоном. МАЭ РАН. И 1454-182

Помимо близких и не очень близких родственных отношений, обитатели соседних и дальних стойбищ были соединены между собой узами «товарищества по жене»:

Яранги Номгыргына и Кааквургокая — они между собой двоюродные братья (елгытомгын), а также яранга Тымн'этынагыргына находятся в групповом браке — гэн'эутумгыт, так что, по словам Етгэут, у Номгыргына, кроме его трех жен, по групповому браку его женами являются жена Кааквургокая Рагтын'аут и жена Тымн'этынагыргына Омрытвал, в свою очередь, жена Номгыргына Элмырултынэ является женой Кааквургокая, а вторая жена Номгыргына Оотынэ — женой Тымн'этынагыргына. Кроме того, уже не по групповому браку вторая жена Тымнэлкота Тын'эны тоже якобы является женой Номгыргына. Етгэут говорит, что у Номгыргына теперь, кроме его основных трех жен, две жены по групповому браку, а шестая Тын'эны [Кузнецова 1948–1951: 405. Л. 77–78]

Рис. 27. Байдара прибыла к месту ярмарки. 1948 г., река Рыкууль.
МАЭ РАН. И 1454-379

К месту проведения ярмарки на реке Рыкууль В.Г. Кузнецова выехала на байдаре вместе с береговыми чукчами и работниками торгово-заготовительной базы Ванкарема, которые везли для оленеводов продукты приморского хозяйства и товары из фактории (рис. 27).

Прибыла она на ярмарку, по всей вероятности, в компании заведующего Ванкаремской торгово-заготовительной базы А.П. Мельникова и продавца этой базы Николая Ивановича Мэмыла, приехавшего на ярмарку с семьей (рис. 28, 29).

Мэмылу¹ была назначена в экспедиции В.Г. Кузнецовой важная роль. Он должен был выполнять функции ее связного

1 Среди учеников Льва Яковлевича Беликова, организатора первой кочевой школы и красной ярманги на мысе Ванкарем в 1930-х годах, был ученик по имени Мэмыл. Известно, что, уехав в Ленинград, Лев Яковлевич еще долго переписывался со своими первыми комсомольцами-чукчами Вуквувье и Мэмылем. По всей вероятности, здесь речь идет именно об этом Мэмыле. Л.Я. Беликов вполне мог заочно познакомить В.Г. Кузнецову с ее будущим помощником в экспедиционной работе.

Рис. 28. Продавец из Ванкарема Н.И.Мэмыль с семьей. МАЭ РАН. И 1454-376

Рис. 29. Семья продавца-пушника Н.И.Мэмыля на берегу реки Рыкууль, где происходила обменная ярмарка. 7 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-388

с внешним миром, доставлять в тундру письма и деньги. Действительно, Мэмыль периодически наезжал в стойбища тундры с выездной торговлей, участвуя в мероприятиях по налогообложению кочевников и т.д., и так или иначе назначенные ему функции выполнял.

26 сентября 1948. <...> Нельзя мне оставаться у Тымнэнэнтына, просто трачу время без пользы — нет у меня движения ни в языке, ни в этнографии. М[еся]ца на 2–3 необходимо переменить обстановку. С другой стороны, нужно дожидаться Мэмыля (деньги, известия из дому). Заколдованный круг, в котором оказалась я в положении слепого, беспомощного, жалкого мышонка» [Кузнецова 1948–1951: 334].

4 января 1949. <...> Возвратились с 87 км Вотгыргын и Тн'арэнтуги, каждый с санками. Остановились у яранги Тым[ненэнты]на. Для меня принесли письмо от Айнэвтэгина, Мэмыля — продавца, две телеграммы, привезенные Мэмылем из Ванкарема, одна из Л[енингра]да из Ин[ститу]та этнографии из сектора Сибири, вторая из Москвы о том что в августе 1948 г. для меня перевели деньги на Ванкарем 3870 р. [Кузнецова 1948–1951: 335].

Пэглят, жена Мэмыля, со своими детьми и собакой уехала вместе с Варварой Григорьевной с ярмарки и пребывала с ней в стойбище Тымнэнэнтына до 27 октября 1948 г. В.Г. Кузнецова начала свою полевую работу, чукотского языка не зная. Пояснения, которые давала ей Пэглят, были поначалу очень важны, поскольку В.Г. Кузнецова зачастую просто не понимала происходящего.

19 сентября 1948. <...> Вскоре в чоттаген¹ пришла чукчанка, что-то беспокойно сказала, и хозяйка с гостьей ушли за ней. Возвратились через некоторое время. Пэглят сказала, что заболел Тымнэлькот (брат Тымнэнэнтына) [Кузнецова, 1948–1951: 334].

20 сентября 1948. <...> Узнать было не у кого о причинах отъезда яранги Тымнэлькота (я предполагаю — он заболел, и переменили место пребывания). Пэглят сказала, что переехали в связи с тем, что поблизости уже не стало корма для оленей, и стадо погнало дальше [Там же].

Кроме того, очевидно, помогать В.Г. Кузнецовой было поручено Айнэвтэгину — учителю кочевой школы Амгуэмского сельсовета, знавшему русский язык. В полевом дневнике за сен-

1 Чоттагын — помещение внешнего шатра яранги, холодная часть яранги.

Рис. 30. Учитель кочевой школы Амгуэмского сельсовета Айнэвтэгын и оленевод Тымнэлькот. 15 сентября 1948 г. МАЭ РАН. И 1454-395

тябрь и октябрь 1948 г. это имя упоминается довольно часто: Айнэвтэгын что-то переводит или поясняет В.Г. Кузнецовой (рис. 30).

ОВЛАДЕНИЕ ЧУКОТСКИМ ЯЗЫКОМ

Очень остро невозможность вербального общения ощущалась В.Г. Кузнецовой по крайней мере до конца 1948 г., т.е. в первые месяцы пребывания в экспедиции:

17 сентября 1948 г. <...> Плохо у меня с чукотским языком. По-настоящему этнографией еще не занималась.

Приглядываюсь еще, вхожу в быт. <...> Язык мне нужно знать. Временами впадаю в отчаяние, кажется, не освою язык. [Кузнецова 1948–1951: 334].

22 сентября 1948 г. <...> Ах, как мне тошно. Все не то! Делом своим я еще не занимаюсь. С языком безобразно. Презираю себя. Настроение у меня неважное. Нужно переломить себя и пока что, до освоения языка, заняться материальной культурой [Там же].

23 сентября 1948 г. <...> Тоска. До вечера просидела в чоттагыне с букварем Вдовина (сходила в палатку за букварем). Бичую себя за медленное освоение языка [Там же].

27 сентября 1948 г. <...> Тоска. Безъязыкая — Боже, это ужасно, нужна какая-то разрядка, чтоб прекратилось это молчание. Что со мной? Не знаю язык — вот причина. Но я его никогда и не выучу, если будет так продолжаться. Душевное слово мне нужно, поддержка, а этого здесь нет. Так большие не могу, нет сил, я в отчаянии [Там же].

19 декабря 1948 г. <...> С языком никаких успехов, нема, как рыба [Там же 1948–1951: 336].

Заговорила по-чукотски В.Г. Кузнецова весной 1949 г. Для того чтобы в достаточной мере наладить коммуникацию с окружающими Варваре Григорьевне потребовалось около девяти месяцев. В дневниках за весну и лето 1949 г. отсутствуют жалобы на языковые проблемы и появляется все больше чукотских слов для обозначения всевозможных реалий ее жизни.

Сегодня 25 мая [1949 г.] <...> Вчера <...> мы как две подруги разговаривали с Уакай. Она последнее время стала ко мне хорошо относиться. Много говорили о Гырголе. Я вспоминала тепло Омрытваль, ее дочь, и теперь живущую отдельно от нас у Кергуги [Кузнецова 1948–1951: 339].

Проведя год в поле, к концу лета 1949 г. она все увереннее и свободнее говорила по-чукотски. В дневниках за этот период она лишь шутливо сетует на свой еще несовершенный чукотский.

8 июня 1949 г. <...> Тымн[енентын] попросил меня дать ему огонь из пэнъёлгын¹ прикурить, но сказал новое

1 Пэнъёлгын — очаг, огонь.

слово и так непонятно, что я не разобрала. За ужином тоже вышла неловкость — я опять не поняла слов Омр[увакотгау]т и хозяин с хозяйкой смеялись [Там же].

В 1950 г. упоминаются только забавные «языковые» ошибки.

9 августа 1950 г. <...> Сегодня днем, когда в яранге Тымнэ-нэнтына находились Номгыргын и Тынагыргын, со мной произошел конфузно смешной случай. Тынагыргын спросил, есть ли в магазинах на 87 км или в Ванкареме отравы против волков — «чилимуку». Я ответила, что достать можно, но, т.к. это сильно действующий яд, то продают его не всем, а доверенным и опытным людям. Тынагыргын спросил, из чего изготавливают «чилимуку», и сам же сказал, что, по-видимому, из к'ымин чинкэчы (кымылгын — червь; удав, слюна, яд удава). Я не дослышала, недопоняла и, не переспросив, бухнула: «А разве слюна к'минылын (кормящих матерей!) тоже такого же свойства?!». До них не дошли мои слова, но я сама, и, ужаснувшись и умирая от смеха, расшифровала им. Вечером меня душил смех от этой нелепости». <...> «На 87 км они видели коров, спрашивали о коровах и свиньях, и спросили меня — «рэке эйнэкинэт» — когда гуляют коровы. А я не так поняла, подумала, что они спрашивают, как мычат коровы. Увидев мое замешательство, М[айны]кааквыргын выручил, повторил свой вопрос. С 87 км он купил пуговицы — «кытгалтынпыт», украшение для женщин в косы. А я еще до похода на 87 км сделала себе то же, нашив пуговицы на полосу кожи. М[айны]кааквыргын спросил, что сказали русские, увидев мое украшение на голове? (Я не брала это простое украшение с собой на 87 км, а оставила в чемодане, на Экитики), не поняв вопрос, я ответила — «не было в магазине пуговиц, и я не купила их». Опять ему пришлось повторять вопрос, т.к. я ответила невпопад [Кузнецова 1948–1951: 349].